

УДК 811.112

**ИНФОРМАЦИЯ:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Г.Н. Манаенко (Ставрополь, Россия)

Г.Н. Манаенко. Информация: когнитивно-дискурсивное измерение. В статье рассматриваются различные трактовки понятия «информация»: атрибутивная, функциональная и методологическая. Антропоцентрическая парадигма когнитивной лингвистики и корректное применение информационного подхода к явлениям и процессам речемыслительной деятельности и коммуникации детерминируют релевантность методологической трактовки для языковых исследований, выполненных в рамках когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: информация, знание, сознание, познавательные и коммуникативные процессы.

Г.М. Манаснко. Інформація: когнітивно-дискурсивний вимір. У статті розглядаються різні трактування поняття «інформація»: атрибутивне, функціональне та методологічне. Антропоцентрична парадигма когнітивної лінгвістики і коректне застосування інформаційного підходу до явищ і процесів мовленнєво-розумової діяльності та комунікації детермінують релевантність методологічного трактування для мовних досліджень, виконаних у рамках когнітивно-дискурсивного підходу.

Ключові слова: інформація, знання, свідомість, пізнавальні та комунікативні процеси.

G.N. Manaenko. Information: cognitive-discursive dimension. This article discusses various interpretations of "information": attributive, functional and methodological. The anthropocentric paradigm of cognitive linguistics and adequate application of the informational approach to the phenomena and processes of speech-and cognitive activities and communication determine the relevance of the methodological interpretation for linguistic research carried out within the cognitive-discursive approach.

Key words: information, knowledge, consciousness, cognitive and communicative processes.

В современной науке первоначально информация понималась как сведения о чем-либо, передаваемые устным, письменным или каким-нибудь другим способом, а также сам процесс передачи или получения этих сведений. В дальнейшем трактовка этого понятия была расширена и включила обмен сведениями не только между людьми, но и между человеком и машиной, а

также обмен сигналами в животном и растительном мире. Уточнения и ограничения этого, скорее, интуитивного представления привели к естественнонаучному пониманию информации как меры организации саморегулируемых систем, как фактора снятия неопределенности в результате получения сообщений, передаваемых по каналам связи. Наиболее существенные результаты в области изучения процессов хранения, преобразования и передачи информации связаны прежде всего с именами К. Шеннона и Н. Винера, положивших начало новой науке об управлении и связях в природе и обществе – кибернетике. Значительный вклад в развитие математической теории информации внесли отечественные ученые А.Н. Колмогоров, В.М. Глушков и многие другие. Целью данной статьи является уточнение понятия информации относительно процессов речемыслительной деятельности и коммуникации.

Термин «информация» используется во многих специальных дисциплинах, но трактуется по-разному. Если в теории связи во главу угла ставится знаковая природа информации, а содержание (смысл) передаваемых сообщений значения не имеет, то в социологии, например, важны именно аксиологические свойства информации, т.е. свойства, связанные с ее ценностью, полезностью. Вопрос о содержании понятия «информация» весьма важен прежде всего потому, что область ее исследования лежит на стыке многих наук, таких, как информатика, кибернетика, лингвистика, психология, теория информации, психолингвистика, социология, компьютерная семиотика. Принципиально различные подходы представителей разных научных направлений к оценке и использованию тех или иных свойств информации затрудняют взаимопонимание, особенно при обсуждении вопросов, связанных с коммуникативными процессами в обществе, где понятие «информация» становится ключевым.

В последние годы исследования в области информационных проблем развития общества, включая и философские проблемы анализа роли информации и научных знаний в процессе эволюции человека и социума, приобрели особую актуальность. В основе исследований российских ученых лежит концепция ноосферы («сферы разума»). Этот термин был введен в двадцатых годах XX в. французскими учеными П. Тейяром де Шарденом, Э. Леруа и независимо от них выдающимся российским естествоиспытателем В.И. Вернадским. В развитие этой концепции большой вклад внесли К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.В. Тимофеев-Ресовский, а также современные российские философы Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул. С общенаучных, философских позиций информация рассматривается в одном ряду с такими категориальными понятиями, как материя и энергия. По определению А.Д. Урсула, «информация есть передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)». Однако заметим, что в такой трактовке информация в универсальной формуле «материя = вещество + энергия + организация», по существу, просто подменяет

последнюю составляющую. Особенность информации, по мнению многих исследователей, заключается в том, что она может объективироваться, передаваться и вообще участвовать в различных формах движения, которые реализуются в природе и обществе.

В предисловии ко второму изданию антологии семиотики Ю.С. Степанов, обосновывая его необходимость и внесенные изменения, отметил: «... изменилась не наука (семиотика) – изменился *информационный мир* вокруг нее, семиотика лишь фиксирует это изменение, хотя отчасти она же и предсказала его, – на наших глазах создается *единый информационный мир*, подобный единому миру природы вокруг нас [Степанов 2001: 6]. При этом понятие *информационный мир*, или *инфосфера*, по сути, определяет физическую реальность и опирается на концепцию информации «как объективной сущности, объединяющей в себе материальное (физическое) и идеальное, структуру и функцию, в тесной взаимосвязи» [Новик, Абдуллаев 1991: 5]. Последнее утверждение весьма примечательно, поскольку само становление понятия информации в качестве общенаучного, как известно, проходило в полемическом противостоянии прежде всего двух его трактовок: атрибутивной, согласно которой информация предстает как необходимое свойство, присущее всем уровням материи, и функциональной, ограничивающей информацию в рамках функционального качества самоорганизующихся живых систем, т.е. информация понималась либо как физическое свойство или даже «вещь», либо как системная функция высокоорганизованной материи.

Современные лингвистические исследования также не обходятся без апелляции к данному понятию, достаточно в этой связи отметить, что дефиниции языка в наше время обязательно опираются на «информацию»: «Существенно, что язык, обладая внутренней цельностью и единством, является полифункциональной системой. Среди его функций важнейшими можно считать те, которые связаны с основными операциями над информацией (знаниями человека о действительности) – созданием, хранением и передачей информации...» [Кибрик 2001: 9]. Информация как базисное понятие теории информации получила в когнитивной лингвистике (одном из наиболее перспективных направлений современной науки), синтезирующей достижения традиционного языкознания, психолингвистики, теории информации и когнитивной психологии, широчайшее распространение и специфическую трактовку как «знания, репрезентируемого и передаваемого языковыми формами в коммуникации» [КСКТ 1996. 36]. Здесь же отмечается, что когнитивный поворот в науке «поставил в центр исследовательских интересов прежде всего когнитивную информацию как специфически человеческую информацию, приобретаемую в опыте познания мира при восприятии и обобщении этого опыта. Собственно предметом когнитивной науки является ментальная информация» [там же].

По данному положению необходимо заметить, что «когнитивный поворот» характеризует и отечественную теорию речевой деятельности, начавшую

складываться значительно раньше – в 20 – 30 годы XX века – прежде всего в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина и многих других ученых. Понимание информации как сведений, снижающих неопределенность (и ее меру – энтропию), становится основополагающим в современных трудах представителей данной школы: «Под *сообщением* следует понимать некоторую относительно замкнутую информацию, передаваемую другим лицам. Сообщение коммуникативно по своей природе. Относительная замкнутость сообщения означает, что информация, являющаяся содержанием сообщения, представляет собой некую замкнутую систему или некий фрагмент знания, который может быть воспринят автономно от других частей совокупного знания, основываясь на общих фоновых сведениях и представлениях» [Супрун 1996: 20].

В целом же можно констатировать, что в таких областях гуманитарного знания, как языкознание, психолингвистика и когнитология, доминирует функциональная трактовка информации, которая, по наблюдениям А.В. Соколова, представлена двумя разновидностями: «*кибернетической*, утверждающей, что информация (информационные процессы) есть во всех самоуправляемых технических, биологических, социальных системах, и *антропоцентристской*, считающей областью бытия информации человеческое общество и человеческое сознание» [Соколов 1990: 14]. В указанных сферах науки, безусловно, представлена «антропоцентристская» функциональная трактовка информации, однако, с нашей точки зрения, «антропоцентризм» таких взглядов вовсе не реализация антропного принципа в познании мира, а, скорее, редукция понятия информации к понятию социальной информации: «Антропоцентристские взгляды... присущи обыденной речи и конкретным общественным дисциплинам (журналистика, педагогика, библиотековедение и т.д.), но не чужды они и философскому мышлению. Актуальность антропоцентристским трактовкам придает дискуссия вокруг искусственного интеллекта, где обсуждаются проблемы «информация и знание», «язык и компьютер» и т.д.» [Соколов 1990: 16]. Причем, как отмечает А.В. Соколов, соотношения между ключевыми понятиями информации и знания и их интерпретация при различных подходах оказываются не только неоднозначными, но и внутренне противоречивыми.

Так, не находит своего разрешения соотношение информации и знания (при функциональном понимании информации) через категории объективного и субъективного в философском аспекте. Не снимаются противоречия и при деятельностном подходе, наиболее актуализированном в современных лингвистических исследованиях и в соответствии с которым информация – это обозначение определенного состояния знания, т.е. знания в коммуникативной форме, «движущегося», транспортируемого, поскольку, по меньшей мере, странно считать, что без использования (передачи и обработки) знание само по себе «не информация». В логическом аспекте разведение понятий «данные» – «информация» – «знание», по сути, ничего не дает, т.к. любое «знание» как

«информация» всегда предстает в виде «данных». Семиотический же подход приводит к противоположным, но взаимообратимым суждениям: о знании как данной в ощущениях информации, принявшей знаковую форму, формализованном знании [Логический словарь 1994: 47], и, наоборот, информации как знанию, воплощенном в языковых формах [КСКТ 1996: 47], что обусловлено приоритетностью анализа либо познавательных, либо коммуникативных процессов и оставляет за пределами «знания» / «информации» чувственные образы, эмоции, установки, практические умения, не поддающиеся вербальной репрезентации. (Кстати, такое положение в области искусственного интеллекта привело к кризису и поиску новых теоретических установок).

По мнению же А.В. Соколова, крайнее многообразие соотношения данных понятий предопределено тем, что функциональную и атрибутивную трактовки информации объединяет одна общая черта (вот, где их «взаимосвязь», откуда появляется «инфосфера») – «презумпция объективного, не зависящего от человеческого сознания существования информации» [Соколов 1990: 16 – 17]. По нашему глубокому убеждению, ничего «антропоцентристского» в подобных трактовках понятия информации нет, различие в них определяется лишь областью бытия информации в материальном, физическом мире. В научной же рефлексии таких интерпретаций понятия информации господствует системоцентрический подход. «Антропоцентризм» функциональной трактовки информации – чисто внешний, определяющий информацию лишь как свойство тех или иных высокоорганизованных и саморазвивающихся систем, соответственно и в зависимости от его «степени», в живых, социальных или антропогенных (научно-технических и художественных).

В концепции, развиваемой Д.И. Дубровским в философском аспекте, информация как «содержание сообщения» (по Н. Винеру), как содержание *отражения* на уровне самоорганизующихся систем «необходимо воплощена в материальном (точнее, субстратном, физическом) носителе, который выступает как ее код. Информация существует лишь как особое, функциональное свойство высокоорганизованной материальной системы» [Дубровский 2002: 128–129]. Соответственно, возможны четыре основные формы существования информации: 1) допсихическая (например, на уровне ДНК); 2) психическая, определяемая наличием субъективной представленности содержания информационного процесса; 3) анимально-опредмеченная, которая воплощена в продуктах деятельности и «следах» поведенческих актов животных (гнездо птицы, «орудия» обезьян, отпечатки лап на песке и т.д.); 4) социально-опредмеченная, охватывающая результаты деятельности человека [там же: 130]. При использовании информационного подхода, как считает Д.И. Дубровский, философскую категорию идеального можно представить «как данность информации в «чистом» виде и способность оперировать ею с высокой степенью произвольности» [там же: 132].

Специфика психической формы существования информации, по Д.И. Дубровскому, как раз и заключается в том, что, будучи «необходимо воплощенной» в определенных нейродинамических системах, в субъективной представленности своего содержания информация освобождена от необходимости отображения мозговых носителей, т.е. мозговые носители какой-либо информации для человека начисто элиминированы, им не ощущаются [Дубровский 2002: 32]. Хотя информация (любого типа), существующая только в кодовой форме, «включает и описание *кодовой зависимости*, т.е. связи данной информации с данным кодовым носителем», но «в принципе одна и та же информация – одна и та же по формальным, содержательным и ценностным характеристикам – может быть воплощена и передана посредством разных носителей, кодов – разных по пространственным, временным, субстратным, энергетическим и прочим физико-химическим характеристикам. Это мы называем *принципом инвариантности информации по отношению к свойствам ее носителя*» [там же: 129].

Пожалуй, даже неподготовленный читатель сразу заметит в этих теоретических положениях множество противоречий и языковых недоразумений. Так, получается, что информация, являясь содержанием сообщения, в свою очередь, обладает своим содержанием, а значит, и формой. Включая же в свое содержание *описание кодовой зависимости*, информация, тем не менее, «инвариантна» к свойствам своего кодового носителя. «Представляя» в высокоорганизованной материальной системе некоторый значимый для нее объект, информация, по определению, является свойством этой системы. Отсюда следует, что, к примеру, анимально-опредмеченная информация, воплощенная в гнезде птицы, необходимо свидетельствует, что ее «кодовый носитель» есть живая самоорганизующаяся система, равно как и песок, содержащий информацию о поведенческом акте животного (отпечаток лапы), а также другие «следы» и результаты деятельности животных и людей. ДНК-РНК-белок обладает информацией о значимом объекте, которая как результат отражения *вторична* [Дубровский 2002: 133] по отношению к этому объекту.

В целом можно выделить на основе критерия «субъективной представленности содержания» два типа информации, однако при этом не ясно, характерно ли это качество анимально-опредмеченной и социально-опредмеченной формам ее существования. Если идеальное (информация, обладающая качеством субъективной представленности своего содержания) «характеризует именно живую мысль, а не отчужденное от личности содержание мысли, которое может быть представлено в самых разнообразных внеличностных, немозговых кодах (предметных, знаково-символических и других, существующих независимо от человека)» [Дубровский 2002: 141], то возникает вопрос: воплощена ли информация в своем отчужденном от личности виде в таких сугубо материальных, по Д.И. Дубровскому, явлениях, как тропизмы растений или процесс радиоактивного распада, ведь их «содержание» может стать (или уже когда-то было?) содержанием «живой»

мысли, т.е. содержанием информации «в чистом виде». Поскольку информационные процессы, в том числе протекающие в человеке и имеющие для него фундаментальное значение, осуществляются на допсихическом уровне [там же: 134], получается, что информация сама по себе может создаваться, храниться, передаваться и обрабатываться (!), т.е. выступать как активная и созидательная самодостаточная сущность, но не как функциональное качество другой сущности.

Не менее противоречива в этой концепции и языковая сторона «воплощения» информации о понятии информации. Если физический носитель информации выступает как ее код, то возникает вопрос: кто разработал этот код, поскольку «код» – это 1) система *условных* обозначений, сигналов, названий; 2) совокупность знаков (символов) и система правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора из таких символов в информационных процессах; 3) *генетический* код – система «записи» (явная метафора – Г.М.) наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот [Современный словарь иностранных слов 1992: 285]. Если информация содержит *описание* своей кодовой зависимости, то не ясно, кто описывает эту зависимость; или же данное *описание* предстает (перед кем?) информацией об информации. Поскольку информация, по Д.И. Дубровскому, не только обладает формальными (синтаксическими), содержательными (семантическими) и ценностными (прагматическими) характеристиками, но и «может служить фактором управления, т.е. инициировать определенные изменения в данной системе на основе сложившейся кодовой организации» [Дубровский 2002: 137], то, в принципе, информация выступает здесь не просто как самодостаточная сущность, но даже как субъект, наделенный сознанием и волей, т.к. речевые характеристики типа «инициировать», «обрабатываться» приложимы только к нему. Такие параметры информации, как новизна, ценность, точность, полнота, достоверность и т.п. действительно предполагают субъекта, но таким субъектом может быть только человек.

Какой бы «формы существования» информации мы ни касались, везде необходимым образом проявляется человек как субъект, обладающий сознанием и волей. Так, У. Матурана отмечает: «Принято считать, что генетическая и нервная системы кодируют информацию об окружающей среде, и эта информация представлена их функциональной организацией. Это мнение не выдерживает критики. Генетическая и нервная системы кодируют процессы, специфицирующие процессы преобразований, начиная с исходных состояний, и декодироваться они могут лишь посредством актуализации последних, а не посредством *описаний* окружающей среды, выполненных наблюдателем и принадлежащих исключительно его когнитивной области» [Матурана 1996: 136]. И продолжает: «Понятие информации относится к степени неуверенности наблюдателя в своем поведении в области определенных им самим альтернатив, в связи с чем понятие информации может применяться только внутри его когнитивной области» [там же: 137]. Тем самым У. Матурана

показывает, что информацию создает сам человек и существует она лишь в области сознания познающего и общающегося субъекта. Иначе говоря, вне человека и его деятельности информации в любом виде не существует.

В неявной форме это положение находило свое воплощение и в трудах других исследователей, в частности у Р.И. Павилёниса: «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть невербальный этап ее образования. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию.

Знакомство с языком для такой системы, как и знакомство с любым другим объектом познания, предполагает различение и отождествление его выражений. Оно означает построение определенной информации о нем как определенном объекте, что возможно только на базе информации, которая уже содержится в концептуальной системе. Таким образом, информация, содержащаяся в концептуальной системе, служит как для восприятия (выделения в мире) определенных объектов, так и для выделения языка как особого объекта: осуществляемое концептуальной системой их соотнесение есть кодирование языковыми средствами определенных фрагментов, «кусков» концептуальной системы. Дальнейшее усвоение информации о языке означает усвоение его грамматики как средства оперирования выражениями языка. Последнее – ввиду прикрепленности языковых выражений как кода к определенным фрагментам концептуальной системы – означает манипулирование содержащейся в ней информацией, что приводит к построению в ней такой информации, которая неконструируема без языка и которая дает возможность выйти за пределы непосредственного опыта. При всем этом любая новая информация становится частью концептуальной системы, если соблюдается последовательность ее образования в данной концептуальной системе» [Павилёнис 1983: 100–102].

Аналогичное понимание соотношения непосредственного опыта и языковой деятельности при образовании информации встречается и у А.В. Кравченко: «На определенном этапе развития организма его встраивание в среду (информирование) завершается в том смысле, что большая часть его возможных взаимодействий со средой уже репрезентирована совокупностью специфических состояний активности нервной системы (элементарных репрезентаций), и каждая новая репрезентация взаимодействия со средой активизирует существующую мнемоническую структуру, составным компонентом которой является элементарная репрезентация взаимодействия с

определенным языковым объектом. Поскольку взаимодействие с концептами как сложными репрезентациями взаимодействий со средой осуществляется на уровне репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами, входящих составной частью в сложные репрезентации, постольку система репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами оказывает решающее влияние на общую структуру концептуальной (национальной) картины мира» [Кравченко 2002: 244].

Следовательно, информация – это не особое явление материального мира или функция высокоорганизованных и саморазвивающихся систем, а продукт сознания, абстракция, позволяющая синтезировать в описании познавательные и коммуникативные процессы. Таким образом, «полярными воззрениями на природу информации являются не атрибутивная и функциональная концепции, как думали раньше, а «онтологическое» и «методологическое» их понимание» [Соколов 1990: 18], обусловленные, соответственно, системоцентрическим и антропоцентрическим подходами. В пользу «методологического» понимания информации свидетельствует тот факт, что нет таких реалий, в отношении которых можно было бы утверждать, что нечто и есть информация, а не сообщение, знание, отражение, структура, сигнал и т.п., поскольку информация не дана нам в ощущениях.

Так как понимание природы информации опосредовано значениями языковых выражений, которые, в свою очередь, детерминированы самой языковой картиной мира, представляется необходимым рассмотреть языковое «воплощение» понятия информации. Прежде всего отметим, что в русском языке *информация* – это отглагольное существительное [Тихонов 1990: 396], которое обладает а) значением отвлеченного процессуального признака и может иметь б) вторичное значение результата действия [Русская грамматика 1982: 161, 197], что уже раскрывает не онтологическую, а процессуальную (предполагающую деятельность активного субъекта) основу формирования понятия информации. В словаре Ожегова *информация* – это «Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.» [Ожегов 1961: 246]; в словаре иностранных слов – «1) сообщение о чем-л.; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи; 3) в математике, кибернетике – количественная мера устранения неопределенности (энтропии), мера организации системы ...» [Современный словарь иностранных слов 1992: 246]. Т.е. в словаре Ожегова и во втором значении из словаря иностранных слов закреплено вторичное значение «результат действия», первое же значение из этого словаря – «отвлеченный процессуальный признак». (Третье значение – терминологическое, ограниченное сферой применения и затрагивающее меру носителя информации).

Еще более наглядна картина в языке-источнике – латинском, где у слова *informātio* зафиксированы следующие значения: «1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие; 3) осведомление, просвещение». Здесь в первом значении даны номинации деятельности: говорящего –

«изложение» (организация сообщения), слушающего – «истолкование» (интерпретация сообщения) и наблюдателя («стороннего» сознания) – «разъяснение» (представление сути двух процессов). Во втором значении отражены знаковый способ осуществления («представление») и конечный результат («понятие») данных видов деятельности; в третьем определено с позиции наблюдателя назначение этих видов деятельности в коммуникативном («осведомление») и познавательном («просвещение») аспектах семиозиса.

Надо отметить, что не только словарные данные, но и другие языковые средства, используемые при описании понятия информации, сигнализируют об обязательном присутствии активного субъекта – познающего и общающегося человека. Информация не может быть «ценной» сама по себе – должен быть *кто-то*, для кого существенна прагматическая сторона информации; *кто-то* должен быть и для того, чтобы создавать, хранить, передавать и обрабатывать информацию. Для «появления», материализации информации, как это ни парадоксально, необходимо когнитивное пространство – сознание, в котором она отображается как результат деятельности живой системы, ее взаимодействий с окружающим миром, что и является неуловимым «содержанием» информации. Для человека – активного субъекта – информация суть все то, что релевантно координирует со структурами его когнитивного пространства и развивает их, то, что усиливает его адаптационные возможности как «живой» системы и повышает эффективность его взаимодействий с другими сущностями. Вне сомнений, информация – это и отношение (позиция) субъекта к актуализированному при познании и коммуникации «содержанию» – предметной деятельности, эмоциональным переживаниям и аффективным состояниям, знаниям и представлениям о мире и о себе. Таким образом, информация «существует лишь в плоскости сознания познающего субъекта» [Соколов 1990: 22].

Обосновывая первичность информационного подхода по отношению к понятию информации, А.А. Соколов предлагает следующую дефиницию последней: «Информация – базовое функциональное понятие информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят от изучаемых отражательных и организационных явлений» [Соколов 1990: 22]. Утверждая в противоположность атрибутивистам, что отражение есть содержание информации, а не наоборот, ученый отмечает целесообразность использования информационного подхода при познании духовных процессов, «и тогда информация выступает как способ движения знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в пространстве и времени» [там же: 22].

Принимая такой подход к понятию информации в целом, заметим, что все-таки его содержание и объем отнюдь не переменны и представляют на единых основаниях именно способ движения *результатов* познавательных и коммуникативных процессов как в когнитивных пространствах одного субъекта и «Другого» (по М.М. Бахтину) субъекта, так и между этими пространствами. В противном случае – изменения содержания и объема

информации в зависимости от изучаемых явлений – человек как «кодовый носитель» информации перестает быть активным субъектом и возникает возможность как онтологизации информации, так и метафоризации ее научных описаний. При этом заметим, что наблюдатель (по У. Матуране), описывающий консенсуальную область языковых взаимодействий как денотативную, сам может быть слушателем, в результате чего и происходит онтологизация информации с его точки зрения. В то же время говорящий может молчаливо полагать, что его слушатель тождественен ему, то есть тождественен его собственной когнитивной области, в результате чего происходит онтологизация информации с его точки зрения. Именно по этой причине идет развитие не только обыденной, но и научной метафоры о коммуникации как обмене информацией, эксплицированной, в частности, в своем классическом виде в трудах К. Бюллера [см.: Бюлер 2000]. Здесь же необходимо добавить, что специфика человеческой деятельности в таких сферах социально ориентированного поведения, как участие отдельной личности в общественных процессах идеологического и политического характера, предполагает осознанное ориентирование человека в своей когнитивной области в соответствии с общественными стереотипами поведения, и поэтому действительно «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140].

Подводя итоги, отметим, что именно потому, что человек есть существо социальное и для него существуют социальные приоритеты, стал возможен феномен массовой информации, требующий от говорящего в его речевой деятельности ориентации на идеальную модель слушающего как представителя определенной социальной группы, прослойки, класса и некоего социума в целом, учета «ожиданий» моделируемого собеседника, его верополаганий, мнений, знаний и пристрастий. Слушатель же как представитель массового адресата, в свою очередь, в речевом взаимодействии, характеризующемся обычно разделенностью в пространстве и времени, дистантностью и отсутствием обратной связи, должен быть интенционально настроен на изменение своего поведения по мере видоизменений, происходящих в его когнитивном пространстве, в предлагаемом ему как члену общества направлении, которое детерминируется онтологически понимаемой информацией, проявленной в тексте как продукте речевой деятельности на основе значений языковых выражений. **Перспективным** представляется продолжение исследования информации в массовой коммуникации, PR, рекламе и под.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. – 528 с.

2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – 2-е изд. / А.Е. Кибрик. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
4. Кравченко А.В. Знак, значение, знание / А.В. Кравченко // Проблемы общего языкознания. Вып. 1: Языковой знак. Сознание. Познание: Хрестоматия / Под редакцией А.Б. Михалева. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 240–259.
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
6. Логический словарь: ДЕФОРТ / Под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
7. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 95–142.
8. Новик И.Б. Введение в информационный мир / И.Б. Новик, А.Ш. Абдуллаев. – М.: Наука, 1991. – 228 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд. / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1961. – 900 с.
10. Павлиёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павлиёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
11. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
12. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.
13. Соколов А.В. Информация: Феномен? Функция? Фикция? / А.В. Соколов // Философские науки. – 1990, № 9. – С. 13–22.
14. Степанов Ю.С. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5–42.
15. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. – Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. 2-е изд. Т. 1 / А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1990. – 856 с.

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru